

Т. К. Щеглова

**Устная история и этнография: пути и формы взаимодействия
(из опыта внедрения новых подходов, методов и технологий
в этнографические исследования)**

Двадцатилетние исследования по истории и этнографии базировались, с одной стороны, на традициях предшественников, их опыте краеведческой и научной работы, с другой стороны, на поиске и внедрении новаций. При формировании научных программ историков сектора устной истории и этнографии благоприятными условиями являлись происходящие в зарубежной и отечественной исторической науке кардинальные изменения: смена парадигм, междисциплинарный обмен и др. Данная публикация посвящена не столько истории сектора устной истории и этнографии¹, сколько характеристике сформировавшегося за эти годы инструментария, методов и технологий исследований.

Исследовательская стратегия определялась рядом объективных факторов. Прежде всего, Алтай является *периферийным* и *аграрным* регионом. Это обусловило особенность региональной истории — ее *массовость*, *вторичность событий*, т. е. ее можно назвать «*массовой историей*». Исходя из этого объектом исследования была определена информационная среда населенного пункта с его материальными и духовными следами прошлой жизни и культуры, с мыслительными конструктами деятельности историко-культурных и этносоциальных групп, прежде всего алтайского села, или социокультурное поле села и города и историко-культурное наследие, в том числе образ жизни, поведенческие нормы, повседневные стереотипы и мифологемы, жизненные установки и целеположения и т. д. Это потребовало новых технологий и методик исследования информационного пространства и социокультурного поля.

¹ Об этом существует ряд публикаций: Щеглова Т. К. Исследования по этнографии и устной истории на историческом факультете БГПУ: итоги 2005 г. // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2005 г. (археология, этнография, устная история): материалы 2-й регион. науч.-практ. конф. 1–2 дек. 2005 г. [редкол.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова, А. Н. Телегин]. Барнаул, 2006. С. 192–200; она же. Сектор этнографии и устной истории лаборатории исторического краеведения Барнаульского государственного педагогического университета (ЛИК БГПУ): итоги и перспективы // Полевые экспедиции в Верхнем Приобье и на Алтае, 2004 г. (археология, этнография, устная история): материалы регион. науч.-практ. конф. 9–11 дек. 2004 г. [редкол.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова, А. Н. Телегин]. Барнаул, 2005. С. 175–181; она же. Центр устной истории БГПУ: исследовательская работа, документирование устных исторических источников и их интерпретация // Устная история (oral history): теория и практика: материалы всерос. науч. семинара (Барнаул, 25–26 сент. 2006 г.) [сост. и науч. ред. Т. К. Щеглова]. Барнаул, 2007. С. 16–22; она же. Центр устной истории БГПУ: исследовательская работа и значение в сохранении историко-культурного наследия // Музеология, музеи в меняющемся мире: сб. материалов междунар. симп. [редкол. О. Н. Труевцева, М. А. Демин, О. Н. Шелегина]. Барнаул, 2008. С. 41–43 (ICOFOM Study series) и др.

Они были найдены в соединении исследовательских технологий устной истории и этнографии. Сама устная история явилась продуктом междисциплинарного взаимодействия, в первую очередь истории, социологии, лингвистики, культурной и социальной антропологии. Взаимодействие и взаимодополнение этнографических и устноисторических исследований определили методы исследования: 1) технологии устной истории: исследовательское (историческое) интервью; 2) технологии этнографии; фото-, аудио-, видеофиксация; описание; опрос.

Большое значение для формирования стратегии исследования имел и так называемый антропологический переворот в исторической науке, который переключил внимание историков с изучения глобальных процессов развития государств, экономики, политики, общества и других макроструктур и макросистем на *«человека в истории»*. Поэтому ориентацией всех научно-исследовательских программ устных историков и этнографов лаборатории исторического краеведения стало *«человеческое измерение истории»*. В целом исследовательское поле определилось и как *«мир человека в истории»*, и как *«мир истории в человеке»*. Его изучение определялось двумя принципами: во-первых, принципом *«история снизу»*, когда исторические события, явления и процессы даются в оценках рядовых участников, история рассматривается не только как история государства, но и как история людей; во-вторых, принципом *«история изнутри»*, т. е. интерпретацией исторических событий, явлений и процессов их участниками и очевидцами.

Необходимость внедрения методов устной истории в этнографическую практику и совершенствование методического арсенала было обусловлено рядом современных реалий развития этнографической науки. Во-первых, в этнографии предметом исследования наряду с этнокультурными артефактами являются не только обрядово-ритуальные продукты духовной традиционной культуры, но и мировоззренческие представления, целеполагания, жизненные установки, то, что отражает *«этничность»*, *«идентичность»*, *«ментальность»*. Нужен инструментарий проникновения в них.

Во-вторых, в индустриально-аграрных развивающихся государствах с развитой светской культурой, сферой бытования традиционной культуры остается малограмотная, неграмотная или просто не озабоченная и не ориентированная на письменную фиксацию культурного наследия часть общества. К ней во всех странах мира относится население, связанное с сельскохозяйственным трудом (земледельцы, скотоводы) или промыслами (охотники, рыболовы, собиратели). В России именно крестьянство выполняло и выполняет функции хранения, воспроизводства

и трансляции традиционной самобытной культуры. Высокий процент аграрного населения на Алтае открывает большие перспективы в изучении так называемой народной истории с помощью методов устной истории и этнографии.

В-третьих, в этнографических исследованиях на сегодняшнем этапе развития российского общества и других государств опрос приобретает доминирующее значение, так как внимание исследователей все больше перемещается с материальных компонентов культуры в духовную сферу (психология, ментальность, этничность). Связано это, с одной стороны, с такими процессами, как глобализация, интернационализация, информатизация, ведущими к унификации материальной среды общества и сужению предметного поля этнографии. Традиционное внимание к материальной вещественной сфере остается только в изучении бесписьменных народов или архаичных культур. В индустриально развитых странах фактически не осталось памятников традиционной материальной культуры (поселений, жилищ, одежды, украшений и т. д.). Стирается также этнографичность витальных обрядов. И в изучении духовной культуры объективно все чаще внимание переносится с изучения ее «готовых форм» (ритуально-обрядовых действий, фольклорных текстов) в область выявления идентичности, этничности, самосознания, которые проявляются в поведении, поступках, целеполагании, представлениях, установках человека. Этнография нуждается в совершенствовании активных методов проникновения в сферу внутренних механизмов трансляции этнических компонентов.

В-четвертых, в результате интенсификации межкультурных связей, динамики миграционных процессов усложняется этнический состав населения во всех странах мира. В полиэтничных обществах встречаются разные культуры, с традиционными жизненными установками, профессиональными и этнокультурными представлениями, культурно-бытовыми привычками. Изучение духовности и ментальности этнической культуры требуют проникновения в глубинные пласты сознания и знаний человека. Получение информации, которая часто носит латентный характер, требует профессионализма в научно-методической проработке опроса и его проведении. Большую помощь этнографам могут оказать исследовательский арсенал устной истории и опыт зарубежных и отечественных устных историков.

Названные реалии развития современной этнографии обусловили необходимость использования устноисторических технологий. На наш взгляд, сферой взаимодействия устной истории и этнографии является формирование архивов устных исторических источников. В этнографи-

ческих исследованиях при новациях в исследовательских технологиях (примером является развитие визуальной антропологии) остается почти нетронутая технология документирования и архивирования получаемого материала.

В свете этого возникла необходимость обосновать новое понятие — *создание с помощью интервью (и других видов опроса) исторического документа* — и разграничить два понятия: «сбор устных источников» и «создание устных исторических (этнографических) источников». Между ними существует разница.

Традиционный метод этнографических исследований — «сбор этнографических источников», представляющий собой фиксацию преданий, легенд, былей, причитов, колядок, свадебных песен и других подобных форм устной традиционной культуры, циркулирующих в информационной среде. Метод сбора памятников духовной культуры приравнивается к сбору предметов материальной культуры — продукции гончарства, ткачества и т. д. И в этом смысле можно говорить о сборе и фиксации готовых форм традиционной культуры.

Предлагаемый новый метод этнографических исследований — *«создание»*, или *«фабрикация» этнографических источников*, представляет собой получение и фиксацию индивидуальной информации, с помощью исторического или исследовательского интервью или опрос с проникновением в «этничность» с последующим документированием и архивированием. Опрос всегда доминировал в этнографических исследованиях. Его результатом являются так называемые «ПМА» — полевые материалы автора. В результате исследовательского интервью создаются так называемые устные исторические источники. И между ними также существует разница. Эта разница обусловлена разными способами фиксации устной информации: техническим (устный исторический источник) и ручным (ПМА) оформлением и требованиями к хранению документов.

При формировании исследовательской стратегии, постановке целей и задач, определении методов и исследований учитывались сильные и слабые стороны устноисторических и этнографических технологий и вводимых в научный оборот устных исторических источников и ПМА.

В исторических исследованиях, в том числе и в рамках этнологии, в последнее время все настойчивее звучит мысль о введении требований к группе источников — «полевым материалам автора» (ПМА). Они справедливо подвергаются критике за отсутствие единых требований к оформлению, высокую долю субъективности при ручной фиксации, их незащищенность и частую потерю без обязательного размещения на

хранение в архивах с гарантией авторских прав и т. д. Поэтому, формируя документацию историко-этнографических исследований, сотрудники сектора устной истории поставили следующие вопросы.

1. Что такое «полевые материалы автора»? В чем их достоинства и недостатки как источника?

2. Как этот источник формировался на этапе разработки содержания научно-методического опроса и на этапе фиксации получаемого от информатора материала: вручную, вслед за рассказом? При технической поддержке записи (аудио, видео)? Имел место спонтанный опрос или научная проработка документации опроса?

3. Как записывался? Дословно или «что успел», что услышал, как понял? Только то, что интересует исследователя, или весь контекст рассказа?

4. Как фиксировался: наспех, на коленях, или была создана «ситуация успеха», т. е. условия для полного развернутого рассказа человека (удачно выбрано место, время)?

5. Как устная информация превращалась в письменный документ, т. е. как велось документирование устной информации и создание «письменного устного источника»?

В результате были выявлены негативные последствия отсутствия требований к ПМА и принято решение об использовании методов устной истории в этнографических исследованиях, в первую очередь технологии устной истории по обработке, документированию и архивированию создаваемых интервьюированием этнографических источников. В своей работе этнографы лаборатории исторического краеведения использовали принципы «фабрикации документов» на основе опроса, интервью, беседы, разработанными за рубежом в устной истории – oral history. Эти технологии были апробированы как в основных научно-практических программах сектора устной истории и этнографии, таких как «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие», «Этнография Алтая и сопредельных территорий», «Устная история: теория и практика», так и в тематических программах «Депортации народов и репрессии на территории Алтайского края»; «Устная история переселений»; «Человек на войне: повседневная жизнь»; «Переселенческая архитектура»; «Историко-культурное наследие населения Романовского района в русско-украинской контактной зоне»; «Казахи Панкрушихинского района» и др. В результате проводимых в течение двадцати лет полевых исследований сформировался опыт «устноисторической практики» по транскрибированию и документированию материалов «исследовательского» или «исторического» интервью по проблемам истории и культуры народов Алтая,

оформились новые подходы и принципы полевых исследований информационной среды и социокультурного поля населенных пунктов Алтайского края.

Одним из путей реализации методов устной истории в этнографических исследованиях стало формирование архива устных источников с обязательным документированием и сдачей материалов полевых исследований. Они представляются альтернативой ПМА. Традиция комплектования домашних архивов этнографов, с одной стороны, оправдывается авторским правом, мобильностью введения новых материалов в научный оборот. С другой стороны, ее можно подвергнуть критике за ряд издержек как на этапе формирования источника, так и на этапе его консервации. В частности, при записи этнографами устной информации вручную (ПМА), по мнению устных историков, усиливается вмешательство исследователя в авторскую интерпретацию рассказчика. Первозданный материал искажается в результате сокращения услышанного во время записи, так как исследователь не успевает за рассказчиком. Часто допускается переформулировка или редактирование услышанного. Еще чаще текст записывается так, как его понял интервьюер, из-за чего теряется смысл, который вкладывал рассказчик. Существуют и другие негативные следствия фиксации материалов опроса вручную, наносящие урон авторской версии повествования.

Полученный материал является частью историко-культурного наследия. Собранный интервьюированием материал, конечно, создается этнографом, но в этой работе его соавтором является носитель информации. Исследовательский материал подлежит охране авторских прав и той и другой стороны и одновременно должен быть доступным и для последующих исследователей и использоваться в государственно-общественной практике.

Чтобы защитить авторские права и одновременно сделать ПМА достоянием науки, можно использовать технологию архивирования материалов интервью и оформления авторских прав. Устноисторическая практика позволяет совместить традиции формирования полевых материалов автора как личных архивов и принципы формирования «устных архивов» с соблюдением требований к оформлению и хранению документов в государственных хранилищах и одновременно обеспечить гарантии авторских прав. Последнее волнует любого исследователя, не только этнографа. Но любого исследователя должна волновать и опасность гибели уникальных материалов личных архивов. В этнографической практике ПМА часто теряются, так как их жизнь заканчивается с жизнью их создателя: можно привести десятки подобных примеров.

Зарубежная практика архивирования устной информации и широкое распространение так называемых «устных архивов» при научных и образовательных учреждениях, при библиотеках, при ведомственных и муниципальных архивах может быть востребована профессиональными этнографами наряду с системой учета, регистрации, фондирования, хранения создаваемых этнографами документов. Большую пользу может принести и система доступа и использования этнографических источников, в том числе разработка требований к публичному цитированию полученных от респондентов материалов и научно-моральные принципы интерпретации материалов.

Конечно, соблюдение требований документирования и архивирования материалов опроса требует от коллектива историков и этнографов ЛИК дополнительных сил и времени, которое не всегда хочется тратить. Но эти затраты необходимы. Что касается авторских прав, то при правильном архивировании с разработкой условий доступа все права этнографа являются защищенными. Этнографам необходимо использовать опыт устных историков в оформлении устных исторических источников, которые предусматривают их документирование (транскрибирование с выполнением требований к оформлению) и архивирование (фонды письменных и оцифрованных источников).

С помощью технологии устной истории удалось повлиять на формы и содержание устного исторического (этнографического) источника, в первую очередь на степень «полноты» и «сюжетности». Этнограф, как правило, фиксирует только тот материал, который ему нужен, например описания игр, если он занимается изучением традиционных праздников и зрелищно-игровых форм, или описания сюжетов свадебного поезда, если он изучает обряды витального цикла. Можно сказать, что, в отличие от устного исторического источника, он создает не повесный, а «цитатный» источник и фиксирует «тематические отрывки», «тематические цитаты». Устный историк фиксирует полную версию, т. е. все, что говорит человек. При этом он понимает, что «руда», которая сопровождает необходимую ему информацию, может быть востребована другими исследователями. Изучая исторические события в соответствии с вопросником, он часто касается тем, характеризующих эпоху, и не отказывается от фиксации этого материала. Этнограф в этом плане более избирателен, не всегда фиксирует то, что не входит в круг его научных пристрастий, меньше обращает внимание на исторический фон. Устный историк тоже направляет опрос в русло интересующих его тем, но при этом выстраивает беседу-диалог вокруг «жизненной истории» (life story) и записывает «сырье» в виде отступлений на другие сюжеты,

события, явления, которые могут служить материалом для других исследователей или использоваться самим историком для выявления глубинных мотивов поступков, поведения или действий человека.

Таким образом, введение в этнографическую практику опыта устной истории помогло не только расширить исследовательский инструментарий, но и создать прочную источниковую базу устноисторических и этнографических исследований. На сегодняшний день устный архив ЛИК включает фото-, аудио- и видеоархив, устные исторические источники. Коллекция интервью составляет 2 882, коллекция аудиокассет – 1 190 (запись интервью – 1 963 часа, цифровая запись – 592), объем видеозаписей – 23 часа. Сформирован фотоархив, содержащий 317 фотопленок, 4 736 фотоснимков, 27 045 цифровых фото. Этот архив включает материалы полевых обследований с 1990 по 2010 гг. на территории 20 районов. Полевые исследования охватили 249 сельских администраций и 542 села. Наряду с новационными методами устной истории сотрудники ЛИК используют в своей работе традиционные методы и получают традиционные материалы, благодаря которым созданы каталоги крестьянской архитектуры, картотеки исчезнувших сел и другие информационные банки.

На основе полевых материалов было подготовлено и опубликовано свыше 20 научных и научно-популярных изданий с введением в научный оборот устных исторических источников и других этнографических материалов, а также содержащих учебно-методические материалы. Архив устных исторических и этнографических источников является базой научно-исследовательской работы студентов. За последние годы опубликовано свыше 250 студенческих работ.

С 2001 г. (Нальчик) в рамках Конгресса этнографов и антропологов организуется работа секции «Устная история как метод и источник этнографических исследований», в 2003 г. в г. Омске, 2007 г. в Саранске, 2009 г. в Оренбурге. В 2011 г. она пройдет в Петрозаводске.

Наконец, обширный архив источников позволил учредить тематические конференции, издавать тематические сборники и презентовать историческое и этнографическое наследие Алтайского края в сериях «Этнография Алтая и сопредельных территорий» [1], «Города и села Алтайского края: историко-культурное наследие (Очерки по истории и культуре регионов)» [2] и «Полевые исследования» (секция этнография и устная история) [3].

Литература и источники

1. Этнография Алтайского края: (науч.-метод. материалы) / БГПУ, лаб. ист. краеведения, АКИПКРО; [отв. ред. Т. К. Щеглова]. Барнаул, 1994; Этнография Алтая: (материалы 2-й науч.-практ. конф.) / БГПУ, АКИПКРО; [отв. ред. Т. К. Щеглова]. Барнаул, 1996;

- Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы и сообщ. по этнографии: [3-я науч.-практ. конф.] / БГПУ [и др.; отв. ред.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова]. Барнаул, 1998; Этнография Алтая и сопредельных территорий: [материалы IV науч.-практ. конф.] / БГПУ, лаб. ист. краеведения, ИАЭТ СО РАН; [отв. ред. М. А. Демин, Т. К. Щеглова]. Барнаул, 2001; Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч.-практ. конф. / БГПУ, каф. отеч. истории, лаб. ист. краеведения; [отв. ред. М. А. Демин, Т. К. Щеглова]. Барнаул, 2003; Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч.-практ. конф. / БГПУ, Каф. отеч. истории, лаб. ист. краеведения; [отв. ред. М. А. Демин, Т. К. Щеглова]. Барнаул, 2005; Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч.-практ. конф. / БГПУ, СО РАН, Ин-т археологии и этнографии; под ред. Т. К. Щегловой, И. В. Октябрьской. Барнаул: изд-во БГПУ, 2008.
2. Города и села Алтайского края: историческое наследие (Павловский район) / Отв. ред. С. Д. Сергеев, отв. за выпуск Т. К. Щеглова. Павловск, 1993; Нижнее Причумышье: очерки истории и культуры / Степанская Т. М., Щеглова Т. К. (науч. ред.). Барнаул; Тальменское, 1997; В предгорьях Алтая. Очерки истории и культуры» / науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул; Алтайское, 1998; Нижнее Причарышье. Очерки истории и культуры» / науч. ред. Щеглова Т. К. Барнаул; Усть- Пристань, 1999; Павловский район: очерки истории и культуры / науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул; Павловск, 2000; Нижнее Причумышье. История и судьбы / под ред. Г. А. Кубриной, Т. К. Щегловой и др. Барнаул, 2001; Зональный район: история, люди и судьбы. Барнаул: Управление архив. отд. администрации Алтайского края, 2003; Залесовское Причумышье: Очерки истории и культуры / науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: изд-во БГПУ, 2004; Солонешенский район: Очерки истории и культуры: Сб. науч.-практ. материалов / науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: изд-во БГПУ, 2004; Бийский район: история и современность / отв. ред. Т. К. Щеглова. В 2 т. – Барнаул: Изд-во: БГПУ, 2002.
3. Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2004 г.: материалы регион. науч.-практ. конф., 9–11 дек. 2004 г. / БГПУ, лаб. ист. краеведения; [редкол.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова, А. Н. Телегин]. Барнаул, 2005; Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история). 2005 г.: материалы 2-й регион. науч.-практ. конф., 1–2 дек. 2005 г. / БГПУ, лаб. ист. краеведения; [редкол.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова, А. Н. Телегин]. Барнаул, 2006. Вып. 2; Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история), 2006 г.: материалы 3-й регион. науч.-практ. конф., 6–8 дек. 2006 г. / БГПУ ; [редкол.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова, А. Н. Телегин]. Барнаул, 2007. Вып. 3; Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2007 г.: археология, этнография, устная история: [материалы 4-й регион. науч.-практ. конф., 6–8 дек. 2007 г.] / Алтайская гос. пед. академия, лаб. ист. краеведения; [редкол.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова, А. Н. Телегин]. Барнаул, 2009. Вып. 4; Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2008 г.: археология, этнография, устная история: материалы 5-й региональной науч.-практ. конф. памяти проф. А. П. Уманского, 4–6 дек. 2008 г. Вып. 5 / Алт. гос. пед. академия, лаб. ист. краеведения; [редкол.: М. А. Демин, Т. К. Щеглова, А. Н. Телегин]. Барнаул, 2009. Вып. 5; Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2009 г.: археология, этнография, устная история: материалы 6-й регион. науч.-практ. конф. памяти проф. А. П. Уманского, 19–21 нояб. 2009 г. / Алтайская государственная педагогическая академия, лаб. ист. краеведения; [редкол.: М. А. Демин и др.]. Барнаул, 2009. Вып. 6.